

Кузнецова (Палтова – в девичестве) Роза Алексеевна, 1925 г.р., г. Сургут, Россия.

В Крыму с 1948 года.

Интервью записано 6.08.2006 в пгт. Красногвардейское АРКрым

Собиратели (ХХ): Спирина Ирина

Столетняя Марина

Респондент: В.А. – Кузнецова Роза Алексеевна

Продолжительность интервью: 1 час 20 минут

В.А.: Я уроженка, уроженка Сибири. Когда началась война, мы жили город Сургут.... области.

Х.Х.: Это Вы в 41-м году там жили?

В.А.: Мы сами уроженки.

Х.Х.: А, это Вы из Сибири, там родились, да?

В.А.: Да.

Х.Х.: А в каком году Вы родились?

В.А.: В 1925 году.

Х.Х.: В 1925 году, да?

В.А.: Вот, ну тогда мы молоденькие были, это как раз у нас было комсомольское собрание... На комсомольское собрание пришел офицер из военкомата, и нам предложили 11 девушек на фронт. Ну, как раз у нас собрание было, голова пришел и такое.... Вот нам дали комсомольские билеты, мы это...

Х.Х.: А сколько Вам лет было тогда?

В.А.: Сколько лет? 17, наверное. Вот. Нам дали комсомольские билеты и мы, значит, с комсомольскими билетами пошли на фронт. Ну, война была... Повезли нас пароходом через Тобольск, через... В Омске нас подымали, там подучили нас и мы поехали в часть. Между Москвой и Ленинградом была моя станция, мы еще это в платьях, во всем были одеты, обмундирования еще не получили. А стали станцию бомбить, нас, одни бегали из вагона туда, вот только станцию Бологое. Мы только поехали на станцию Бологое. Ну, ладно, нам дали другой состав, мы поехали в часть, приехали. Я попала в 43-ий, в 43-ий восстановительный железнодорожный батальон. И вот это все мы находились 1-ый Прибалтийский, 2-ой Прибалтийский, 3-ий Прибалтийский, все переезжали по фронтах. Конец войны, условия, конечно, были такие, болота, болота. Обмундирование, кирзовые сапоги, все. И санитарная сумка. Я все это раненых перевязывала все вот эти фронты. 43-ий, 44-ый, вот это все в Прибалтике болота, условия такие, что вода по колено. Ну, все мокрые так там в болоте и ночевали и все. Ну, наш батальон восстанавливал железную дорогу, мосты... В начале уже 45-го, я кратко говорю.

Х.Х.: Да.

В.А.: в 45-м году, в начале 45-го года наша... наш батальон перевели на 1-ый Украинский фронт восстанавливать эти... генерала Ватутина. Потом как раз попали в Польшу. Потом... Краков город, потом в Германию, Северная Селезия, Германия, город через Одер. В Германии Одер река, это... разрушенный мот восстанавливали. А днем сильные, сильные обстрелы были, нельзя было. Ночью строили и вот для нас дали огромные мосты железнодорожно-бетонные, строили ночью под фонарями. Часов в 11 или в 2 ночи летит самолет на мост. Ну, как немецкий самолет, видимо, бомбить. Ночью я и девчата, Клава и Маруся, я говорю: «Посидите». Я - на мост, только стала подниматься, стали бомбить наши зенитки, но отогнали, но отогнали. Бомба возле моста упала, меня бомбой вышибло, я либо сознание потеряла, или что ли, контузия сильная была. Я помню. Вот. Я потом опомнилась уже в своей части, плохо разговаривала. Плохо слышала. Потом я спросила: «Где Маруся и Клава?» - « А Вы их никогда не увидите, их из самолета

обстреляли». Ну, ладно, в этой части пролежала столько-то, вот в госпиталь не попала, а там мне лучше стало. Опять я с санитарной сумкой все бойцов перевязывала, вот. Потом, значит, уже в конец войны мы переехали с этого места, ну, наверное, в немецкий город Бреслав, Северная Силезия. Германия. А там чтобы восстанавливали железную дорогу, там надо разминировать мины сперва. В шахматном порядке везде, когда мы приехали в Бреслав, столько трупов было уже в конец войны. И наши... все это заминировано было. И пригород Бреслава был заминирован. Вот наши разминировали мины. Меня все это с этим... там дальше другая сестра, где линия. Дальше там полкилометра - опять линия была, там другая медсестра, а я здесь, вот. Ну, смотрю, там горит за домом. Я подбежала сразу у одного, смотрю, вырвало ногу. Я это, швы ему налаживала, все перевязывала в шоковом состоянии, пока... все вот этого. Перевязала, там бойцы пришли, его отнесли в госпиталь. Там еще в шахматном порядке, я иду, где железная дорога, а там смотрю, сам взрыв. Смотрю, рука отлетела у молодых людей. И это опять взрыв, смотрю, где-то. Мне попал осколок в бедро и в коленку. Я это, у меня кровь идет, перевязывала его, он ранен и все. Потом сама себе стала перевязывать, от ранения шрам у меня там. Ну, вот. Но потом окончилась... железную дорогу восстановили. У нас много было узбеков, вот это... как раз это их отправляли домой. А там, видимо, в подпол подложили огромную мину, взорвались, все вещи кругом.

Х.Х.: Это с Вами было?

В.А.: Это с другой... А та другая медсестра, ужас, вообще ужас, что было. И вот так вот все, перевязывала каждый день, приходила перевязывать меня. У меня небольшие осколки тогда были тоже. Я сама себе руку перевязывала, вот. И опять... Война окончилась, еще продолжали железную дорогу восстанавливать. Восстановили когда, нас отправили в Советский Союз. Мы были... поехали через Польшу, через это и нас ... нашу этот батальон остановили между Ровно и Ковелем уже здесь, это в 45-м году. Так, наверное, в конце мая так. И еще там в Германии были 9-го мая, встречали День Победы в Германии. А здесь, между Ковелем и Ровно, в лесу, чтобы восстановить тоже. Здесь железные дороги тоже разрушены были. Чтобы восстановить железную дорогу между Ковелем и Ровно, в лесу часть стояла. Станция Чортолис. Вот так. Там мы, наши бойцы клали шпалы на железные дороги. Поехали 14 человек там в Бендеры. И это, уже война кончилась, и почему-то нету их. Первый день, второй – нету. На второй день наши поехали за ними в Бендеры. Семь, нет, четырнадцать человек там были, которых это, видимо, подожгли машину, напали.... И когда их привезли в санчасть нашу, у всех 14 человек были расколоты черепа.

Х.Х.: Мертвыми уже были?

В.А.: Бендеры. Это уже... Вы слушали это? Мы ранения смотрели ихние, у всех были расколотые черепа, их захоронили возле станции Чортолис между Ровно и Ковелем.

Х.Х.: А Вас когда туда отпраляли, предупредили, что там Бендеры есть?

В.А.: Нечего.

Х.Х.: Не говорили Вам?

В.А.: Ничего не говорили, мы не знали. Потом узнали, что там, наверное. А санчасть нашу, мирных жителей ночью убивали, и вот в шоковом состоянии привозили стариков, детей тоже вот. Утром мы первую помощь оказывали им, а все рано надо было отправлять в госпиталь. Вот.

Х.Х.: Тяжелые были, да, ранения?

В.А.: Тяжелые ранения были. Ночью или утром смотрим, деревья рядом. Да потом же я сама все, ну и потом я еще была медсестрой. В 46-м году, не в 45-м, а в 46-м году я демобилизовалась, приехала в Сургут.

Х.Х.: Домой вернулись?

В.А.: На Родину.

Х.Х.: А в Крым Вы когда приехали?

В.А.: В Крым? Ой!.. Это я когда приехала, там год была. Потом уехала учиться.

Здесь была эвакуирована сама где-то подруга тоже моя из Крыма во время войны.

Х.Х.: А, Вы там познакомились?

В.А.: Ой, мы вместе учились.

Х.Х.: А!

В.А.: Она говорит: «Что ты опять поедешь на Север, поедешь в Крым?» - говорит.

Х.Х.: А как подругу звали, не помните?

В.А.: Тамара.

Х.Х.: Тамара. А фамилия?

В.А.: Тамара Одинцева. У меня даже есть фото с ней. Вот. Ну, и значит, мы приехали, а крупные колхозы, карточная система. Я приехала в Крым одна, мама, сестры там в Сургуте остались, а я одна приехала.

Х.Х.: Это уже в каком году? В каком году?

В.А.: Это когда я уже кончила это самое... Попала в фельдшерскую школу, вот. Потом...

Х.Х.: С Тамарой вместе приехали?

В.А.: С Тамарой вместе приехали, ну и что, ее мать вперед туда уехала, она тоже медсестра. В Ялте там работала в санатории. Ну, мы приехали, мы сразу пошли и нам дали работу. Потом Тамара...

Х.Х.: А куда, в Симферополь приехали?

В.А.: В Ялту.

Х.Х.: В Ялту.

В.А.: В Ялте мы были, за Ялтой, ой... Город, вот я уже забыла.

Х.Х.: Ну, этот город Алушта, наверное?

В.А.: Нет. За Ялтой там ...

Х.Х.: Массандра?

В.А.: Вот у меня уже много лет прошло, так у меня склероз большой. Алушка.

Х.Х.: В Алушке.

В.А.: В Алушку, вот там мы все работали. Потом я попала сюда.

Х.Х.: А как сюда переехали?

В.А.: А Тамара мне: «Давай дальше учиться!» Я говорю: «У меня...Никто не поможет мне ничего». И главное, в то время приехала моя мама ко мне. И карточная система, что там 45 рублей кто получает в то время. И вот здесь, потом сюда приехала и я работала в санэпидемстанции, вот.

Х.Х.: Наверное, было тяжело в послевоенные годы?

В.А.: А?

Х.Х.: Тяжело было в послевоенные годы?

В.А.: Было очень тяжело.

Х.Х.: Болели люди? Люди, наверное, болели много.

В.А.: Да. Было такое, что и голодовали. Что там было, когда мы еще учились, 200 грамм хлеба и больше ничего, никаких продуктов. Хлеб и вода, все. И это на целый день. Вот так приходилось.

Х.Х.: А с кем работали, помните? С кем работали здесь, когда приехали сюда в Красногвардейск? Не помните?

В.А.: Я...

Х.Х.: В санэпидемстанции с кем работали?

В.А.: А, в санэпидемстанции. Сперва я как-то работала в ОБД еще немного.

Х.Х.: А это что такое ОБД?

В.А.: Это сейчас его расформировали, в госбезопасности.

Х.Х.: В госбезопасности?

В.А.: Да. Работала немножко.

Х.Х.: А, КГБ!

В.А.: КГБ. А потом это работала...

Х.Х.: А в КГБ тоже по медицинской части, да?

В.А.: Нет, не по медицинской. Работала секретарем, а потом вот это расформировался и не стало. Я работала заведующей Загсом, а потом училась. Потом все рано перешла в медицину и двадцать с чем-то лет проработала в санэпидемстанции в лаборатории, под микроскоп все смотрела.

Х.Х.: А Вы когда в Красногвардейское приехали, после войны город сильно разрушен был?

В.А.: Нет.

Х.Х.: Сильно были разрушены дома?

В.А.: Ничего не было разрушено. Это Симферополь был разрушен, а здесь было село, три улицы.

Х.Х.: Всего лишь?

В.А.: Всего три улицы и никаких асфальтов, ни дороги, мы вот так грязь месили. Я сюда прибыла в 51-м году. Это сколько лет?

Х.Х.: Сколько лет Вам было?

В.А.: Нет, сколько лет прошло, если с 51-го года я работала?

Х.Х.: 55 лет уже прошло.

В.А.: 55 лет я здесь живу.

Х.Х.: Изменился город?

В.А.: Все изменилось, стали строиться улицы. А три улицы здесь было, а там степь была. Барашки паслись, все.

Х.Х.: То есть еще барашки были, да? Выпас такой хороший.

В.А.: Да.

Х.Х.: А какие это улицы, от них сейчас что-нибудь осталось? Как назывались, не помните?

В.А.: Вот эта вот Фрунзе была улица, Крупская, еще какая-то была и все, дальше там степь была.

Х.Х.: Это они так раньше назывались или и сейчас называются так же?

В.А.: Что?

Х.Х.: Эти улицы, Крупская, они так же называются?

В.А.: Так же. Так же они называются, да.

Х.Х.: Роза Алексеевна, мы здесь по городу немножко гуляли и увидели памятник в парке погибшим в оккупации жителям Красногвардейского. Там вот имена перечислены. Людей много здесь погибло, не знаете. Не слышали?

В.А.: А вот я не скажу.

Х.Х.: А не рассказывали, не говорили Вам, нет? Фашисты расстреливали здесь?

В.А.: Когда митинг был, говорили вот это вот, выступали.

Х.Х.: А Ваша семья во время войны где была?

В.А.: В Сургуте. Мама это у меня редактор была газеты города Сургута всю войну. Брат работал на консервном заводе в городе Сургуте, на рыбном консервном заводе. Все отправляли на Томск, вот это все, консервы, все на фронт. А у мамы это всех работников взяли на фронт, она одна в редакции, и все корректировала. День и ночь там сидела, не выходила из редакции. А отец мой народный судья был, во время коллективизации он погиб.

Х.Х.: Из-за чего? Что случилось?

В.А.: Это когда мы из Сургута переехали на Урал, там в каком, в 28-м или в 29-м году.

Х.Х.: А что случилось, как произошло, не знаете?

В.А.: Ну, я маленькая была. Мне было тогда три или четыре года, я не знаю.

Х.Х.: Мама ничего не говорила?

В.А.: Мама говорила, что он погиб и все.

Х.Х.: А замуж Вы в каком году вышли?

В.А.: Хо-хо-хо! Я долго не выходила замуж и так неудачно вышла тоже.
Х.Х.: Здесь уже, в Красногвардейском?
В.А.: В Красногвардейске. У меня дочь, Валентина Викторовна, педагог, вот.
Х.Х.: А мужа как звали?
В.А.: Виктор Николаевич.
Х.Х.: Кузнецов, я Кузнецова.
Х.Х.: А девичья Ваша фамилия?
В.А.: А?
Х.Х.: Девичья Ваша фамилия?
В.А.: Палтова.
Х.Х.: Как?
В.А.: Палтова.
Х.Х.: Палтова.
В.А.: Палтова Роза Алексеевна.
Х.Х.: А маму как звали?
В.А.: Валентина Львовна. И это внучка у меня, Валина дочка, на пятый курс уже поступила Харьковского авиационного.
Х.Х.: Института, да?
В.А.: Университета. На пятый курс, еще год учиться ей.
Х.Х.: А муж у Вас местный был?
В.А.: Нет, вообще-то он уроженец города Москвы. Неудачно я вышла, я с ним разошлась рано, я сама воспитывала. А еще у меня сын был, он три года назад умер. Но он больной был, инвалид детства.
Х.Х.: Роза Алексеевна, а вот когда только приехали сюда работать, помните? В Красногвардейское.
В.А.: Конечно, помню.
Х.Х.: Тяжело было, наверное, на новое место?
В.А.: Тяжело, тяжело. А Тамара поехала, она дальше стала еще учиться, в медицинский институт еще поступила. Она все меня звала, а я говорю: «Ну никак я не могу, мне никто не помог учиться». У меня среднее образование, а она окончила это... Симферопольский медицинский институт на хирурга. Хирург.
Х.Х.: А Вы как сюда приехали, сначала на санэпидемстанции работали?
В.А.: Нет.
Х.Х.: В КГБ, да, сначала?
В.А.: Да.
Х.Х.: Секретарем?
В.А.: Да, потом.
Х.Х.: А что ж, они Вам не помогли дальше учиться?
В.А.: Да кто поможет, что Вы, когда я в это такое тяжелое время было. Ну а потом я уже так остановилась на этом. В санэпидемстанции проработала долго, а оптом ушла на пенсию.
Х.Х.: А с кем-то подружились здесь?
В.А.: А?
Х.Х.: Подружились, когда приехали, с кем-нибудь?
В.А.: Ну, здесь... Много, работала, все и подруги были в санэпидемстанции.
Х.Х.: А как их звали, помните?
В.А.: В от сейчас Татьяна Петровна Прохорова больная, в больничном доме, знаете, она лежит. Каждый день к ней хожу.
Х.Х.: До сих пор дружите?
В.А.: Да. Она болеет, у нее гипертония, давление 270, у нее кровь пошла, сосуды лопались. Хорошо, что кровь пошла из носа. А сейчас больная, я к ней хожу.
Х.Х.: А Вам сразу жилье дали?

В.А.: А?
Х.Х.: Жилье Вам дали сразу, как приехали?
В.А.: На квартире жила.
Х.Х.: А у кого, помните?
В.А.: Так их уже нету.
Х.Х.: Пожилые были?
В.А.: А?
Х.Х.: Пожилые были люди?
В.А.: Да. А оптом мне дали квартиру.
Х.Х.: Это у них еще с войны дом сохранился, это у кого Вы жили? Или им новый отстроили?
В.А.: А я там недолго была. Мне потом дали дом, разделенный на несколько квартир.
Х.Х.: Не скучно было!
В.А.: вот. Потом здесь, где вот сейчас наш суд, там домик стоит над судом, вот там я жила. А потом, когда здесь выстроили, то дали мне квартиру.
Х.Х.: Соседей, значит, много было, получается?
В.А.: А?
Х.Х.: Соседей было много?
В.А.: Кого, соседей?
Х.Х.: Да.
В.А.: Где?
Х.Х.: А вот в этом домике, который Вы говорите, много семей, разделенный на квартирки был?
В.А.: А, там много семей было. Где? Ой, Урожайная, я забыла улицу. Вот там вот.
Х.Х.: А люди разные были или все с Вашего предприятия?
В.А.: Да разные, я даже не знаю некоторых.
Х.Х.: А Вы с ними не общались?
В.А.: Нет, я общалась с другими здесь. Я здесь, когда переехала, были подруги, с которыми я здесь работала.
Х.Х.: Скажите, а Ваша подруга, которая сейчас болеет, она родилась здесь? Она из Красногвардейского?
В.А.: Нет.
Х.Х.: Тоже приехала?
В.А.: По-моему, у нее родители в селе решили, а дети умерли. Родители, братья...
Х.Х.: В селе в Крыму здесь?
В.А.: В Красногвардейском районе Янтарное есть село?
Х.Х.: Есть.
В.А.: Вот они там жили.
Х.Х.: В Янтарном. Да?
В.А.: В Янтарном.
Х.Х.: Во время войны погибли. Да?
В.А.: Что?
Х.Х.: Во время войны погибли?
В.А.: Они погибли, просто умерли потом.
Х.Х.: То есть они после войны умерли?
В.А.: Да, от старости.
Х.Х.: Здесь, наверное, пережили?
В.А.: А я не знаю, где они войну пережили. Они, по-моему, сами из Курска.
Х.Х.: А, то есть позже приехали.
В.А.: Наверное. Да, так она говорила, Татьяна Петровна.

Х.Х.: А Вы не знаете, кто вот во время войны тут жил? Кого-то из ветеранов знаете еще?

В.А.: Не знаю.

Х.Х.: А у Вас здесь в дома много пожилых людей?

В.А.: Где?

Х.Х.: В этом доме, где Вы сейчас живете?

В.А.: В этом?

Х.Х.: Да.

В.А.: Вот внизу пожилая была, так год назад умерла. Но у нее муж остался и сейчас дочка живет, внучки живут.

Х.Х.: Общались, наверное, между собой?

В.А.: Конечно.

Х.Х.: Дружили?

В.А.: Да, общались. Мы ее похоронили, вот.

Х.Х.: Они тоже в Крым приехали или здесь жили в Крыму?

В.А.: Они обменялись квартирами.

Х.Х.: Сюда переехали?

В.А.: Тоже дружила. Они переехали во Львов. Есть город Львов?

Х.Х.: Есть. Есть.

В.А.: Так они переменились квартирами. А потом опять со Львова переехали сюда в Евпаторию, я очень смеялася.

Х.Х.: Все переезжали, да?

В.А.: Все переезжали, вот так вот.

Х.Х.: Роза Алексеевна, а кто-то, когда Вы сюда приехали, кто-то местные были здесь. С кем Вы общались, говорили, что они здесь жили в Красногвардейском.

В.А.: Да, Катя.

Х.Х.: Катя эта с Вами работала?

В.А.: Нет. Не с нами, я просто ее как учительницу знаю. Она работала бухгалтером, но она уже долго, лет пять, как умерла.

Х.Х.: Ясненько. Роза Алексеевна, а народ разный был по национальности?

В.А.: Здесь больше русские были и украинцы, вот. Караимы.

Х.Х.: Караимы были?

В.А.: Да.

Х.Х.: А вы с кем-то знакомы. Работали?

В.А.: Я не работала с ними.

Х.Х.: Не работали. А слышали просто о них?

В.А.: Да. Слышала.

Х.Х.: А были дано? То есть Вы слышали, что давно были?

В.А.: А?

Х.Х.: Вы слышали, что они когда-то давно здесь были или они и жили в Ваше время?

В.А.: Были здесь еще до меня. Но мало здесь караимов было. Когда я приехала, большинство русских уже было.

Х.Х.: А еще кто-нибудь, кроме русских и украинцев, здесь жил? Кто-то еще здесь жил? Может быть, рассказывали Вам?

В.А.: Кто здесь жил?

Х.Х.: Ну, что-нибудь, были же здесь, наверное, еще какие-то национальности?

В.А.: Ну кто?

Х.Х.: Например, вот здесь недалеко, говорят, есть село, где даже чехи жили.

В.А.: Здесь немцы были.

Х.Х.: В городе здесь немцы жили?

В.А.: Нет, по деревням, а потом вот это татары эвакуировались отсюда и немцы эвакуировались. Это при Сталине.

Х.Х.: Это Вам рассказывал кто-то, да?

В.А.: Да.

Х.Х.: А кто?

В.А.: А я и газеты читала и все.

Х.Х.: А, это в газетах сообщали, да?

В.А.: Да, все.

Х.Х.: А вот во время войны Вы когда-нибудь были как бы свидетелем того, что мирное население расстреливали или акции уничтожения?

В.А.: Нет, я не видела, ничего не видела, наша часть все переезжала. Но я когда вот проезжали, видели. Я видела деревни загоревшиеся, виселицы висели, вот этого, висели люди.

Х.Х.: А в Крыму здесь, Вам не рассказывали, такое было?

В.А.: Не только много расстреливали. Я так слышала, но я-то не знаю, я-то была в части.

Х.Х.: И что рассказывали?

В.А.: Рассказывали, что убивали, что евреев убивали, я что-то забыла.

Х.Х.: Это Вам, когда Вы служили, рассказывали?

В.А.: Ой, что пережили здесь во время войны.

Х.Х.: А здесь Вам кто рассказывал, что вот здесь такое было?

В.А.: А?

Х.Х.: Кто Вам рассказывал, что вот расстрелы были? Или Вы читали где-то?

В.А.: Люди рассказывали. Я сейчас не помню кто, но рассказывали.

Х.Х.: Соседи, может быть?

В.А.: Да вот Катя рассказывала, у них как раз тоже немцы стреляли в квартире. Вот которая умерла, знакомая моя была.

Х.Х.: А фамилию Кати не помните?

В.А.: По мужу Матросова. А так ее девичья фамилия... Господи, забыла уже все.

Х.Х.: И что она рассказывала? Немцы у них в доме стояли, да?

В.А.: Но хороший немец, немцы так ничего не трогали.

Х.Х.: А как «хорошие», что-то она говорила?

В.А.: Ничего не позволял делать, был такой. Стояли на квартире.

Х.Х.: Ну, а вот Вы видели немцев, да?

В.А.: Ну, а как же? Как раз война. Помню, мы были в Бреславле, пленных везли и нам кричат.

Х.Х.: А как они выглядели? Какая у них форма была?

В.А.: Ну, какая-какая, немецкая форма, была разная. У нас еще на железной дороге местные жители-немцы там где-то в Бреславле работали. Один тоже подорвался на mine, мне пришлось его в госпиталь отправлять еще.

Х.Х.: Ну, вот это Катя говорит, что немцы у нее хорошие стояли? А все такие хорошие были?

В.А.: Нет.

Х.Х.: Не все?

В.А.: Молодежь отправляли в Германию.

Х.Х.: Это отсюда, она рассказывала?

В.А.: Отсюда. Рассказывала, я не знаю.

Х.Х.: Но говорит она, что молодежь отправляли в Германию?

В.А.: Да.

Х.Х.: А еще что-нибудь говорила?

В.А.: А ее хотели отправить, но у нее больная нога была.

Х.Х.: А мирное население, не рассказывала, не обижали? Что они тут делали?

В.А.: Я ничего не знаю.

Х.Х.: Не рассказывала?
В.А.: Нет, как-то не приходилось.
Х.Х.: Но вот она, говорите, рассказывала, расстреливали.
В.А.: Да. Где-то расстреливали.
Х.Х.: Она слышала или?
В.А.: Я не знаю, рассказывала.
Х.Х.: Страшно ей, наверное, было, она рассказывала?
В.А.: Да.
Х.Х.: А про соседей она не говорила? Немцы их не обижали?
Х.Х.: Не говорила?
В.А.: Ничего не говорила.
Х.Х.: А за что расстреливали? Фашисты за что расстреливали?
В.А.: Что это? А когда они столько евреев расстреливали в Бабий Яр, за что? Ни за что!
Х.Х.: И здесь расстреливали?
В.А.: И здесь.
Х.Х.: То есть и здесь, получается, тоже расстреливали.
В.А.: Были, вот здесь же памятник стоит. Где вот это вот сейчас, где немецкое кладбище было.
Х.Х.: Это вот где памятник стоит?
В.А.: Это раньше до войны немецкое кладбище было.
Х.Х.: Еще до войны даже немецкое кладбище?
В.А.: Да. Немцы, которые тут жили.
Х.Х.: Еще до войны?
В.А.: Да.
Х.Х.: А когда Вы приехали, кладбище еще было?
В.А.: Нет, уже не было. Уже парк был.
Х.Х.: Уже парк был? Ну, а что-нибудь говорили, когда парк строили, не слышали?
В.А.: А ничего, я об этом ничего не знаю. Как-то не приходилось мне ничего слушать.
Х.Х.: А местных жителей, не знаете, много здесь было? С кем-то еще были знакомы, кроме Кати? Или больше приезжие были?
В.А.: Приезжие были. Да и все уже умерли. Катя умерла, такие дела.
Х.Х.: Так получается, местных мало осталось жителей?
В.А.: А?
Х.Х.: Местных жителей мало оставалось?
В.А.: Мало совсем жителей было, сейчас я вообще не узнаю. Совсем жителей было мало.
Х.Х.: Это после войны расти стал поселок?
В.А.: Да. Сначала мало, фотография работала, редакция, еще я приехала и это было все это.
Х.Х.: Но газеты местные выходили, наверное?
В.А.: Конечно, выходили газеты.
Х.Х.: А про что в то время печатали, про что рассказывали?
В.А.: Ой, все. Я разве помню сейчас?
Х.Х.: Ну, может, что-то запоминающее было?
В.А.: Ну, так, организовали колхозы, совхозы, как Егудин здесь работал, Переверзев.
Х.Х.: А кто это, Егудин?
В.А.: Председатель колхоза «Дружба народов». Вот оно все это поднял, весь колхоз. Он так и похоронен здесь вот, Егудин.
Х.Х.: А, наверное, еще что-то о колхозах писали?

В.А.: Переверзев был в «России», тоже много сделал для страны, больницу большую построил, большие передовые колхозы. Герои социалистического труда.

Х.Х.: А колхозов здесь много было в районе?

В.А.: Откуда я знаю? (Смеется)

Х.Х.: Не знаете.

В.А.: Не знаю об этом. Конечно, говорят, что были колхозы, переименовали все сейчас.

Х.Х.: Были другие названия?

В.А.: А?

Х.Х.: Были другие названия?

В.А.: Конечно, другие.

Х.Х.: А Красногвардейском?

В.А.: Курман-Кемельчи.

Х.Х.: Вот этот Красногвардейский был Курман-Кемельчи. А так еще какие-то были. Я не знаю, это все у Вас?

Х.Х.: Имя у Вас красивое, Роза Алексеевна. Откуда, мама такое имя дала, назвала?

В.А.: Баба дала. У нас, у меня было четыре сестры. Первый мамин муж был политически сильный, из Варшавы поляк. Он, когда Колчак наступал на ... Это было! Ну, Колчак когда наступал, значит, она вышла замуж за политически сильного.

Х.Х.: И не испугалась!

В.А.: За политического сильного. Бабушка, Дарья Яковлевна, ей не давала выходить, но он настоял. Мама тогда была... учительницей и молодая очень была. Что-то она кончила, что-то выходила тоже младшие классы учила. Она вышла замуж за него в 16 лет. Поп не венчал их, ему дали 25 рублей, и он повенчал их.

Х.Х.: А почему не венчал?

В.А.: А?

Х.Х.: Чего не венчал-то? Почему не венчал, отказывался?

В.А.: Потому, что она молодая была, говорит, ну, он старше. Я уже от второго мужа, от Палтова. А первый мамин муж, когда наступал Колчак, пришли жандармы и его увели, увезли. Адам Янович Голубко, это поляк. Маме было тогда 23 года и у нее трое детей. 23 года и трое детей у мамы. А он организовал советскую власть в Сургуте. Его увезли в Тобольскую тюрьму, там бросали бод нос сырой картошки, потом их увезли на озеро Байкал. Вы знаете Байкал? Вот там их расстреляли, много было политических сильных. Вот один спасся, когда пароход отошел, он вышел и закричал. Мама одна осталась с тремя детьми в 23 года.

Х.Х.: А кто были: мальчики, девочки?

В.А.: Девочки.

Х.Х.: А как звали?

В.А.: Анна, Мария, Нина. Это они у меня. Вот Анна старшая, Мария 18-го года, Нина 18-го года. Вот. И кто это, жандармы приходили, хотели их всех убить, они в погреб сидели. Когда уже жандармы на пароходе уехали, они вышли из погреба. Так, а потом мама приехала из Ленинграда, народный судья связался с ... он народный судья, а она работала секретарем суда. Вот он взял... потом как-то пересылали, мы уже без второго отца остались. У меня брат в Алуште живет. Вот это был 22-го. У мамы пять детей, мама не работала, и это... пять детей на чужой стороне. Она ...сама поехала учиться, окончила на редактора.

Х.Х.: А имя Вам почему такое интересное дали?

В.А.: А?

Х.Х.: Имя почему такое интересное дали? В честь кого-то?

В.А.: А я не знаю. (Смеется) Вот есть брат, он младше меня на два года или что, он 26-года он, по-моему. В Алуште живет.

Х.Х.: Он на фронт не попал?

В.А.: Не попал. Когда хотели его взять, война окончилась. Он работал от фабрики...

Х.Х.: А потом к Вам сюда приехал?

В.А.: Все семья ко мне переехала: и мама, и сестры. Нет, одна сестра там осталась, Мария, она замужем. Она умерла. Нюра в Судаке, старшая, она умерла, осталась ее дочка, живет в Судаке, а у дочки уже внуки. Это у нее тоже двое детей, внуки.

Х.Х.: А сюда к Вам не приезжали?

В.А.: Да оно никак. Раньше, конечно, ездили. А сейчас я не могу ездить, я января ее не видела потому, что не могу ездить. Дорога такая, у меня давление и меня укачивает страшно. А потому я и не езжу никуда. Борисова приезжает ко мне, вот та старушка, а в Судаке тоже вот один Галя, тоже больная.

Х.Х.: Спасибо вам, Роза Алексеевна. Роза Алексеевна, а вот напротив когда Вы были, газеты какие выходили? Читали?

В.А.: У нас нет.

Х.Х.: Не было?

В.А.: В других частях, может быть, были. А у нас, мы все переезжали с места на место, одно, другое, третье...

Х.Х.: А о фашистах что-то рассказывали Вам? О фашистах что-нибудь Вам рассказывали?

В.А.: Кто?

Х.Х.: Ну, агитаторы или местное, может быть, население.

В.А.: Я по газетам все читала.

Х.Х.: По газетам?

В.А.: Да.

Х.Х.: А что там писали?

В.А.: Ну, как они это... в селах расправлялись с жителями. В какой-то дом подошла соседка, говорит: «Он наш лучший друг»... Вы читали, где вот в Белоруссии так...

Х.Х.: Хатынь

В.А.: Хатынь. Вот и так и других, не только расстреливали, издевались.

Х.Х.: А в Украине, не помните, что писали? На Украине.

В.А.: Много было. Я что-то не помню ничего.

Х.Х.: Наверное, страшно было.

В.А.: Ну вот по газетам я читала все так.

Х.Х.: Страшно, наверное, было.

В.А.: Что?

Х.Х.: Страшно, наверное, было.

В.А.: Конечно. Все про мирных жителей. Сгоняли в Германию, в лагеря, сколько вот это погибло.

Х.Х.: А кого-то встречали мирных жителей? Вот освобождали территорию, Вы шли следом. Кого-то ж из мирных жителей встречали?

В.А.: Нет.

Х.Х.: Ну, вот Вы идете, немцы отступают, остаются разрушенные мосты. Мирные жители оставались, да?

В.А.: Мирные жители оставались. Помню, огромное такое здание красивое в Германии... Что-то я поднялась, там немка лежит на кровати. А там какая-то за нею ухаживает. Видимо, она больная была, что ли. Мирные жители у нас работали на железной дороге тоже.

Х.Х.: Вы с ними общались?

В.А.: Ну, я два раза перевязывала им ранение тоже немцам. Ой, у одного тоже ногу... Не брат, а сын его на лошади за своей частью так зашла, только я говорю, вот надо отправить в госпиталь. Своему начальнику говорю: «Дайте машину, отправьте его, он

истекает кровью». – «А толк?» - Я говорю: «Ну, медики же все-таки». Махает рукой: «Ладно». Его, не знаю, отвезли ли в госпиталь. Все было.

Х.Х.: А с Вами кто служил, помните подружек Ваших? Они все сибирячки были?

В.А.: Нет. Я даже не знала, откуда они. Я не спрашивала, медсестры были, вот эта Клава, Маруся. Такая хорошенькая эта Маруся была. Вот. Голову ей это... что-то в голову было, а нет, вот с самолета расстреляли. Клаве ногу... Не знаю, я их больше не видела, или в госпиталь их отправили или умерли, я не знаю.

Х.Х.: А кто-то вместо них потом был?

В.А.: Другие были. У нас девчат много было. Ратные телефонисты, радисты, повара. Вот.

Х.Х.: Роза Алексеевна, наверное, песни иногда пели?

В.А.: А?

Х.Х.: Песни иногда пели?

В.А.: Пели. (Смеется) Пели тогда, когда война кончилась, во время войны некогда было петь.

Х.Х.: И украинские песни были?

В.А.: Да. Ой, во время войны как мне приходилось с больными по два дня, человек 14-15 больных и с ними и вот на два дня. Не пили, не ели, голодные, больные, и распухшие у них ноги были. И все, у которых... Ну, больные. Я вот с этими шла. А потом... это в Прибалтике. Уже устали мы и все, иду по этой железной дороге. Там детки наши. Я это остановила их, у меня, Курников лейтенант был, вот такой был. На станции я первая села, а эта колонна танков там такая шла. Я их рассадила, но, видимо, вот немножко ехать, мы проехали туда, где надо остановиться, а уже ночь. Я говорю: «Остановите, пожалуйста». Всю колонну остановил, и я говорю, я говорю: «Вы куда нас везли, на передовую? Уже передовая». Ну, мы шли день обратно ночью, они не могут у меня идти, больные. Вижу где-то ночью огонек, огонек какой-то. Ой, если много рассказывать, так это, ужас, сколько у меня было в армии всяких происшествий. Я говорю: «Курников, иди на огонек». – «А что там, может быть, какая-то стоит». – «Да ты иди лучше». Меня посылает. Я говорю: «Ты же лейтенант, ты что, иди!»- «Нет, ты иди». Я пошла, а там шоссейная дорога, а здесь болота. Там такие бревна, доски положены, куда идти. Я иду на тот огонек. Иду, иду, потом слышу: «Стой, кто идет!» Я говорю: «Свои, это выдали мне дежурного по части». Он отошел, вызов. Я это ему рассказала так, у меня больные, надо переночевать где-то. А дождь еще идет, все мокрые мы, все дождик ночью шел. Он говорит: «Проходите». Мы обошли, пришли, там домик стоит, домик стоит такой, там смотрю: военные. Я говорю: «Это другая часть какая-то». Смотрю. Я говорю: «Так где мы ночуем?» Вот я пошла в домик, а они на улице все, вот. Я говорю: «Разместите мне больных куда-нибудь».- «А в доме, говорит, - некуда, занято все, небольшое». В сарае там, не знаю что, в сарае как они там разместились. Я пошла в этот домик зашла, какая-то старушка вот на печке лежит. Здесь лавочка, а здесь печка. Она говорит: «Девушка, ложись сюда, на лавочку». Я под себя санитарную сумку под голову, шинелькой укрылась и вот так на лавочке уснула. Я встала рано, а там есть комната, я открыла, что-то посмотрела, а там летчики на полах спят. И женщины, и мужчины-летчики спят, вот. Ну, ладно, я пошла будить, они вышли. Там, видимо, они оправалялись все, шинели у них мокрые. Я говорю: «Как я с вами пойду?» Стыд, позор. Я говорю: «Вот лужи после дождя, идите вымойтесь, помойтесь, тогда я пойду». И вот обратно пошли, а вот где-то на дороге на шоссейной встречать, в какую сторону. Наш этот, наш взвод или как... остановился в лесу, а на дороге нас встретили. Мы зашли, он нас, наши части, повел. Повел, повел, опять голодные в лесу. Пошли, идем-идем-идем далеко, они тихо идут. Опять ночь. И степь кругом, помню, степь такое, равнина уже, вот. Я смотрю, опять какой-то огонек. Я говорю: «Ну-ка, пошли на этот все огонек». Повела. Повела их туда, а там большой какой-то дом, большой дом. И я говорю: «Пустите нас переночевать, у меня больные». – «Пускай», - говорит. И на пол легли они там, где нары, где женщины средних лет в этом доме.

X.X.: Прибалтки или русские женщины?

V.A.: Русские. Русские. Ну, это было в Прибалтике, но они русские. И вот ночью, вдруг чую, танки идут. «Слышу, - говорю, - танки идут». Я смотрю, зашли, вот так взглянула, я на нарах спала уставшая. Взглянула: танкисты, наши танкисты. Видимо, здесь вот в атаку пошли и идут сюда. Ну, ладно, переночевала. Они на полу спят, а я здесь вот. Утром рано встали и опять пошли в лес. В лесу... только на третьи сутки пришли в лес в нашу часть. И все рассказать – это ужас.

X.X.: Конечно.

V.A.: Ужас.

X.X.: Все, наверное, было на войне?

V.A.: Ой-ой-ой-ой. Все было.

X.X.: Ну, наверное, и здесь рассказывали, страшно было?

V.A.: А?

X.X.: И здесь, наверное, рассказывали, страшно было?

V.A.: Тоже. Я уже в Крым приехала в 48-м году. Я сперва на южном берегу жила, потом здесь. Так это сколько здесь я уже живу? С 48-го года. Так я прожила...